

Глава 22. От наркомнаца до антисемита

Нет пророка в своем отечестве.

Грузины, как правило, большие патриоты своей небольшой страны. Считается, что по темпераменту они импульсивны, великодушны и гостеприимны. Веселый народ поэтов, драчунов и ораторов, любителей вина, которое они же и производят, застолий и празднований. Но — то ли в силу генетических особенностей, то ли вследствие марксистско-ленинского воспитания, — Иосиф Сталин был совершенно нетипичным грузином. Всю жизнь он демонстрировал относительное равнодушие к развлечениям и романтике, и к тому же никогда не терял чувства реальности. С течением времени он окончательно обрусел и, судя по жестокости репрессий именно среди грузин, он стал относиться к ним с презрением, хотя после его смерти именно грузины стали прославлять и чествовать его, как национального героя.

В первые годы обучения в семинарии Иосиф еще писал стихи романтично-националистического типа. Шесть стихотворений опубликовали в тифлисской газете в 1893—1894 годах, но он никогда не вспоминал о них, хотя и не отказался от авторства, когда, отмечая его шестидесятилетие в декабре 1939 года, тифлисская газета «Заря Востока» перепечатала их под заголовком «Стихи юного Сталина».

Ситуация в Грузии в начале его карьеры как профессионального революционера сложилась не в пользу националистической идеи. В социал-демократическом и марксистском движении здесь уже захватили ведущие позиции Ной Жордания и его сподвижники, исповедующие меньшевистские взгляды. Не то чтобы Сталину показались тесными национальные рамки, ему просто вообще не было места среди таких руководителей.

Вместе с тем, развитие капитализма, рост городов, расширение торговли и путей сообщения привели в движение окраины России. Наступивший после 1905 года конституционный режим, некоторая свобода печати и культурных учреждений, Дума с ее избирательной кампанией и политическими группами способствовали усилению национальных чувств. Волна воинствующего национализма: сионизм среди евреев, панисламизм среди татар, растущий шовинизм среди поляков, армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма, — все это захватывало рабочие массы. Национальные трения между армянами и азербайджанцами, еврейские погромы на Украине и в Молдавии во многих случаях сделали национальные противоречия непримиримыми.

Социал-демократия, явно проигрывавшая национализму в борьбе за массы, противопоставляла национализму интернационализм, единство рабочих в классовой борьбе. Однако не все социал-демократы оказались на высоте, и прежде всего — социал-демократы на окраинах. В борьбе за популярность Бунд стал отстаивать националистические цели — например, свободу празднования субботы. Часть кавказских социал-демократов выставили требование культурно-национальной автономии. Попытки примирить национальную и интернациональную идеи не имели успеха ни в России, ни в Австро-Венгрии, которая столкнулась с аналогичными проблемами. Нужно было выбирать что-то одно. Идеи марксизма шли на Кавказ через Россию, где главным марксистом был

Ленин, создававший большевистскую партию, в ЦК которой кооптировали Сталин. Ленин позаботился о «разбавлении» слишком еврейского центра марксистской партии человеком другой национальности. Так Сталин оказался на стороне интернационалистов в российской социал-демократической организации.

Антисемитизм как зеркало шовинизма

Перед началом Первой мировой войны Ленин стал опасаться, что российская партия может превратиться в федерацию национальных групп, и попытался совместить национальные движения за независимость с единством российской партии. Фигура Сталина казалась удобной для решения такой задачи. Как грузин, он не мог быть обвинен в великодержавном русском шовинизме; кроме того, он приехал из региона, где была только одна социал-демократическая организация, в которую входили грузины, армяне, русские, татары и представители других национальностей. Жордания и группа грузинских меньшевиков предложили принять австрийский принцип «национально-культурной автономии». Сталин взялся доказать ошибочность этой идеи.

Январь 1913 года Сталин провел в Вене, где написал свою главную работу «Марксизм и национальный вопрос». Она была напечатана в журнале «Просвещение» за март-май 1913 г. и создала ему репутацию большевистского интерпретатора национальных проблем. На основании этой работы в 1917 году он вошел в первое советское правительство в качестве наркома по делам национальностей. Выдвижение Лениным Сталина в правительство было своеобразной страховкой — против упреков в формировании «еврейского правительства».

В этом компилятивном труде главный удар направлен не столько против «оппортунизма» О. Бауэра и Р. Шпрингера, сколько против их толкования «еврейского вопроса» и против политики еврейской социал-демократической рабочей партии (Бунда). Сталин так сформулировал «пять признаков марксистского понятия нации», что они исключили евреев и цыган, и, надо заметить, только их, из состава «полноценных» наций. Эти тезисы стала одним из краеугольных камней сталинской идеологии. Ни Ленин, ни он сам, борясь за единство социал-демократического движения среди народов Российской империи, не подозревали о далеко идущих последствиях такого толкования, которое повлияет на всю историю XX века и политическую судьбу самого Сталина.

По-видимому, он был заражен антисемитизмом еще с детства, а семинаристское воспитание подтолкнуло его дальше по этой дороге — и Сталин продвигался в этом направлении всю жизнь. Еще в своих «Записках делегата», написанных под впечатлением V съезда партии (1907) и опубликованных в газете «Бакинский пролетарий», Сталин писал: *«Состав фракций не трудно объяснить: очагами большевизма являются главным образом крупнопромышленные районы, районы чисто русские, за исключением Польши, тогда как меньшевистские районы, районы мелкого производства, являются в то же время районами евреев, грузин и т.д. ...Статистика показывает, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют*

русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем идут грузины и т. д. По этому поводу кто-то из большевиков заметил, шутя, (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром».

В архиве знаменитой революционерки, посла СССР в Швеции Александры Коллонтай сохранилась запись беседы со Сталиным в ноябре 1939 года, то есть накануне советско-финляндской войны: *«Многие дела нашей партии и народа, — говорил Сталин, — будут извращены и оплеваны, прежде всего, за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться».*

Как известно, популистская деятельность всех вождей основывается на двух главных лозунгах: национализме шовинистического толка и антисемитизме. Сталин полностью использовал оба. Он обрусел настолько, что стал русским в большей степени, нежели самые горячие патриоты России. Так, в 1930 г. Сталин в личном письме Демьяну Бедному сурово обрушился на последнего за умаление им ценности России и русской культуры, заявив, что тот, *«запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из «Домостроя», стал провозглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения... что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских».*

Этот грузин продолжил исторические традиции и устремления России, изучил политику и методы правления Ивана Грозного и Петра Великого, возможно, представляя себя их наследником. Сталин объявлял себя последовательным выразителем интересов трудящихся России. Считая себя признанным экспертом партии по национальному вопросу, он установил своеобразную связь между «классовым» и «национальным». Прямое обвинение Сталина в «великодержавном шовинизме» выдвинул Ленин в его адрес в работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Еще сильнее стали обвинять Сталина в «националистическом уклоне» после того, как он выдвинул лозунг о «построении социализма в одной стране». Особенно резко нападала оппозиция, выступавшая под лозунгом «мировой революции». В книге «Преданная революция», написанной в 1937 г., Троцкий перечислял многочисленные примеры сталинской «измены» революционному делу ради «великорусского шовинизма». Апологет мировой революции не мог, например, простить Сталину, что теперь школьники воспитываются в духе уважения к армии Суворова, которую Троцкий называл «армией феодальных рабов».

Государственный антисемитизм в борьбе за власть

Действительно, евреи сыграли ключевую роль в подготовке и свершении Октябрьского переворота в 1917 году, и соответственно, в органах власти,

созданных в результате переворота. Притеснения монархического режима, «черта оседлости», квоты, ограничивавшие доступ к культуре, образованию, административной деятельности, религиозные притеснения, наконец, погромы — все это способствовало участию активной части евреев в подготовке и проведении революции. В отличие от идеалистически настроенных, «книжных» русских революционеров из всех классов общества — пролетариев, разночинцев и даже дворян, — евреи шли на борьбу за вполне конкретные права, за справедливость и за власть, восстанавливающую такую справедливость. Эта революционная активность, помноженная на природные данные и воспитанную веками угнетения адаптивность, привели к реальной ситуации — победе «еврейской революции», победе в гражданской войне, войне против русских «белых»: казачества, монархии, чиновников.

Но надо признать, что хитрый беспринципный грузин сумел обвести вокруг пальца еврейских умников. Уничтожив в 30-х годах старых революционеров, он уничтожил и прорвавшихся к власти в результате революции евреев. Как и в остальных случаях, он сделал это с их же помощью, стратегией пошагового стравливания и последовательного уничтожения.

Война выдвинула новую плеяду «полезных евреев» — не только среди воинов, ставших Героями Советского Союза, но и среди ученых, деятелей культуры. Последние оказались весьма полезными, добыв огромное количество денежных средств, военной, медицинской и продовольственной помощи путем организации «Еврейского антифашистского комитета», получавшего пожертвования американских евреев.

Но с началом «холодной войны» дни еврейских помощников Сталина были сочтены. Как обычно, он не помнил заслуг. Его антисемитская сущность уже ничем не сдерживалась, и он нашел рьяных помощников среди рвущихся к трону русских активистов, получивших неожиданную мощную поддержку в конкурентной борьбе за трон. Антисемитизм Сталина становился фактором борьбы за власть в Кремле, исключая возможность активного в ней участия еврея Кагановича. Л. М. Каганович был ревностным участником всех акций Сталина-Ежова-Берия — от проведения насильственной коллективизации на Украине, от репрессий 30-х годов до решения Политбюро ЦК ВКП(б) 4 марта 1940 г. о расстреле поляков в Катыни. В Великую Отечественную войну он стал членом ГКО, в 1942—1943 гг. — заместителем председателя ГКО, являясь при этом наркомом путей сообщения. После войны его положение пошатнулось. Формально статус сохранился, он даже был с 1946 г. назначен заместителем председателя Совмина СССР, но реально его удалили от политически важных должностей. Каганович стал министром промышленности строительных материалов (1946—1947). С марта по декабрь 1947 г. Каганович был первым секретарем ЦК КП(б) Украины. Вернувшись в Москву, он занял важный, но не ключевой пост председателя Госнаба СССР (1947—1952).

Все больше подозревал Сталин и женатых на еврейках Ворошилова и Молотова. Жену Молотова — Жемчужину — арестовали в связи с делом Еврейского антифашистского комитета. Фабриковалось дело об их причастности к западным разведкам. Сталин говорил в узком кругу 1 декабря 1952 г., что *«любой еврей-националист — это агент американской разведки. Еврей-националисты*

считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.) Они считают себя обязанными американцам».

С 1946 года под руководством главного сталинского идеолога А. Жданова началась борьба «против низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной». Вместе с Маленковым они трансформировали эту кампанию в борьбу против «космополитизма». Первые аресты, положившие начало уголовно-политическому преследованию еврейских организаций после Великой Отечественной войны, приходится на конец 1947 года. Именно тогда арестовали Гольдштейна и Гринберга, от которых под пытками получили обвинительные показания против руководства Еврейского антифашистского комитета. На заседании Секретариата ЦК 3 февраля 1948 г., проходившего под председательством Маленкова, приняли постановление «О роспуске объединений еврейских писателей и о закрытии альманахов на еврейском языке». Кампания по борьбе с космополитизмом нашла широкое отражение в прессе. Начали публиковать фамилии литераторов-евреев, скрывавшихся под русскими псевдонимами. Здесь четко проявилась истинная сущность выступавших в печати. Например, с обвинениями против космополитов, скрывающихся под псевдонимами, активно выступил Михаил Шолохов. Отповедь ему рискнул дать Симонов, подписавшийся Константин (Кирилл) Симонов.

В начале того же 1948 года Сталин дал указание министру госбезопасности СССР Абакумову организовать ликвидацию руководителя Еврейского антифашистского комитета СССР, великого актера С. М. Михоэлса. Арест Михоэлса, который был известен в мире не только как актер, но и как антифашист, внесший огромный вклад в организацию материальной помощи России, вызвал бы негативную реакцию на Западе. По словам Абакумова, Сталин приказал организовать инсценировку несчастного случая — дорожного происшествия — в Минске, куда Михоэлс выехал по делам. Непосредственное осуществление операции по уничтожению Михоэлса возложили на заместителя министра госбезопасности С. И. Огольцова, начальника 2-го управления МГБ Ф. Г. Шубнякова и министра госбезопасности Белоруссии Л. Ф. Цанаву. Попытки подстроить дорожную катастрофу, предпринимавшиеся несколько раз, оказались неудачными. Тогда разработали план, включавший в себя приглашение Михоэлса поздно вечером в гости. Машина, на которой он должен был ехать, предоставлялась госбезопасностью. Михоэлса и сопровождавшего его агента МГБ Голубова около 10 вечера доставили на дачу Цанавы на окраине Минска. Там Михоэлс и Голубов были убиты, их трупы бросили под грузовую машину. Двумя часами позже, в полночь, изуродованные останки Михоэлса и Голубова выбросили на одной из глухих улиц Минска. Участникам операции были вручены правительственные награды.

В конце 1948 года Еврейский антифашистский комитет распустили. Его участников обвинили в том, что они «проводят антисоветскую националистическую деятельность, поддерживают связь с реакционными еврейскими кругами за границей и занимаются шпионажем». 24 декабря 1948 года арестовали секретаря Еврейского антифашистского комитета поэта Фефера. От него под пытками получили показания о якобы преступной деятельности его самого, Михоэлса, С. А. Лозовского — члена ЦК ВКП(б), бывшего начальника Совинформбюро, и ряда других лиц, сотрудничавших с Еврейским

антифашистским комитетом. По делу Еврейского антифашистского комитета привлекли к суду и осудили жену Молотова. Муж не вступился за нее, и ее сослали в Казахстан, где она жила без всякой связи с миром и откуда Молотов ее вызволил только после смерти «хозяина».

13 января 1949 г. к Маленкову вызвали Лозовского. На допросе, который Маленков вел вместе со Шкирятовым, Лозовскому вменили в вину то, что он вместе с Фефером и Михоэлсом направил в 1944 году письмо Сталину с предложением создать в Крыму Еврейскую Автономную социалистическую республику. А также то обстоятельство, что среди американских корреспондентов, с которыми он встречался, были американские разведчики. 18 января 1949 г. Лозовского исключили из партии, а 26 января — арестовали. Тогда же арестовали поэтов Квитко и Маркиша, главного врача Боткинской больницы Шимелиовича, художественного руководителя Еврейского театра Зускина, академика-физиолога Лину Штерн.

Антисемитская кампания затронула и Еврейскую автономную область — репрессировали ее руководителей. Далее последовало решение секретариата ЦК «О заявлениях, поступивших в ЦК ВКП(б) о деятельности антипатриотической группы театральных критиков» — критики «охаивали лучшие произведения советской драматургии», к которым ЦК относил творения Б. Ромашова, Н. Вирты, А. Софронова. Приняли постановление ЦК ВКП(б) «О буржуазно-эстетских извращениях в театральной критике» и опубликовали редакционную статью в «Правде» «До конца разоблачить космополитов — антипатриотов». Преследовали за «космополитизм» издательство «Советский писатель» — преступление состояло в публикации книг И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», в которых, по словам А. Фадеева, *«содержатся издевки и зубоскальства по отношению к историческому материализму, к учителям марксизма, известным советским деятелям, советским учреждениям»*. Эта кампания коснулась всех учреждений страны — от школ до научных институтов, например, Института мировой экономики АН СССР.

Попытка организовать процесс Еврейского антифашистского комитета по образцу 1937 года все же не удалась. Формальная сторона обвинений оказалась недостаточной. Несмотря на «незаконные методы следствия», а попросту — избиения, сделать из арестованных преступников, которые бы могли предстать хотя бы перед не слишком щепетильным советским судом, не удавалось. Формально следствие должно было завершиться в марте 1950 г., но, по словам С. Д. Игнатьева, *«просмотром материалов следствия по обвинению Лозовского С. А., Фефера И. С., и их сообщников установлено, что это дело находится в запущенном состоянии, и почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием Еврейского антифашистского комитета»*.

Между тем Сталин требовал проведения наглядного процесса перед лицом всего мира. Однако откровенно антисемитский его характер, перекликавшийся с гитлеровским «окончательным решением еврейского вопроса», был очевиден, а дело слишком явно шито белыми нитками. Рубить сплеча было уже нельзя. Но

отступить Сталин не мог, он зашел слишком далеко. И тогда он решил — вместе со своими сатрапами — раскрутить это дело еще круче и жестче.

Дело врачей и его запланированные последствия

Дело «о шпионской и террористической деятельности врачей-вредителей», имевшее отчетливую антисемитскую окраску, стало прямым продолжением процесса «Шпионского центра в Еврейском антифашистском комитете». Параллельно раскручивалось следствие по делу, направленному против евреев, работающих в МГБ. Оба дела, в отличие от дела Дрейфуса во Франции, в условиях сталинского тоталитарного режима раскручивались при полной поддержке средств массовой информации и народа советской страны. Нельзя не отметить аналогии с организацией «большого террора» конца 30-х, во время которого дела врачей стали необходимой составной частью для подготовки акций сталинского Политбюро и НКВД—МГБ—МВД. Эта связь осознавалась организаторами и исполнителями: ссылки на аналогию с действиями «врагов народа Плетнева и Левина», якобы сокративших жизнь Куйбышева, Горького и его сына Максима Пешкова, присутствуют в документах следствия нового «дела врачей».

23 июля 1951 г. заместитель министра госбезопасности С. Огольцов подал в Политбюро записку «о законспирированной группе врачей-вредителей». Предыстория этой записки такова. В конце августа 1948 г. Жданов отдыхал в специальном санатории для высших государственных и партийных руководителей на Валдае. 28 августа туда вызвали заведующую кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы Л. Ф. Тимашук. В 12 часов того же дня Л. Ф. Тимашук сняла кардиограмму и поставила Жданову диагноз «инфаркта миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Этот диагноз вызвал возражения со стороны врачей, постоянно наблюдавших за здоровьем Жданова. Профессор Егоров, академик Виноградов и врач Майоров посчитали, что изменения на кардиограмме вызваны «функциональным расстройством» на почве склероза и гипертонии. Врачи отмечали их и раньше. В результате консилиума от Тимашук потребовали переписать заключение. На следующий день у Жданова случился новый сердечный приступ, Тимашук снова вызвали из Москвы. От нее вновь потребовали изменить заключение по электрокардиограмме, что она и сделала — по требованию своего прямого начальника профессора Егорова. Тимашук попала в отчаянное положение — она, не будучи лечащим врачом Жданова, сделала слишком ответственное заявление, поставившее под сомнение опыт профессоров, годами лечивших пациента, а затем письменно отказалась от собственного диагноза. Для нее стало ясно, что результаты неудачного лечения получают политическую оценку, а удачное лечение будет означать для нее, по меньшей мере, утрату места в Кремлевской больнице. И тогда она попыталась подстраховаться — 29 августа подала жалобу на имя начальника Главного Управления охраны МГБ СССР Н. С. Власика, в которой сообщила о разногласиях в оценке состояния здоровья Жданова, и вручила письмо начальнику охраны Жданова А.Л.Белову.

На следующий день, 30 августа, Жданов умер. В тот же день министр госбезопасности Абакумов доложил Сталину о заявлении Тимашук, отметив в

сопроводительном письме: *«как видно из заявления Тимашук, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда... в то время как начальник Санупра Кремля Егоров и академик Виноградов предложили ей переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда»*. На документе имеется виза Сталина — «В архив». Сама Тимашук не знала о судьбе ее жалобы — ответа не было. Среди врачей, лечивших Жданова, продолжались споры о правомерности диагноза Тимашук, 7 сентября 1948 г. ее перевели по приказу начальника Лечебно-санитарного управления П. И. Егорова из Кремлевской больницы в филиал поликлиники, та продолжала отстаивать свою правоту, вновь жаловалась — секретарю ЦК КПСС А. А. Кузнецову. Ответа по-прежнему не было. Кремлевские власти вспомнили о ней только летом 1952 г. Тогда, четыре года спустя, письмо ее извлекли из архива.

Были проведены аресты крупнейших врачей, связанных с лечебным управлением Кремля. В тюрьме оказались профессора М. С. Вовси (родной брат Михоэлса), М. И. Певзнер, И. Г. Лембергский, Н. А. Шерешевский, В. М. Виноградов, Б. С. Левин, С. Е. Карпай, П. И. Егоров, В. Х. Василенко. Следователь Рюмин, непосредственно занимавшийся допросами, сообщал позже, что его «куратор» из ЦК ВКП(б) С. Д. Игнатъев дал указание «бить их смертным боем». Более того, Рюмина даже обвиняли в том, что он недостаточно применял такие методы. В письме Сталину, отправленном в конце ноября 1951 года, Рюмин, оправдываясь, писал: *«я признаю только то, что в процессе следствия НЕ ПРИМЕНЯЛ КРАЙНИХ МЕР, но эту ошибку после соответствующего указания, Я ИСПРАВИЛ»*. Рюмин старался вовсе, и не только потому, что был убежденным антисемитом, но и потому, что надеялся сделать карьеру на этом громком и заметном — даже на самом высшем кремлевском уровне — деле.

Сбор фактов преступной деятельности «врачей-вредителей» натолкнулся на нехватку доказательств. Объяснение смертей Жданова, Щербакова, Калинина террористической деятельностью не убеждало. Цена «личных признаний» также была хорошо известна. И тогда в дело пошли давняя записка Тимашук и ее конфликт с профессорами Кремлевской больницы. Хотя заявление Тимашук сочли необоснованным в 1948 г., спустя четыре года, оно стало главным медицинским аргументом обвинения.

«При изучении материалов на медицинских работников Лечсанупра вскрылась большая засоренность кадров этого ответственного лечебного учреждения лицами, не внушающими политического доверия по своим связям с антисоветскими элементами прошлой враждебной деятельности... не создавались необходимые условия для надежного лечения больных, не было обеспечено добросовестное лечение и необходимый уход... за руководителями зарубежных компартий и стран народной демократии, в том числе за товарищами Токуда, Торезом и Димитровым». Внимание следствия привлекла также смерть А. С. Щербакова в 1945 году: *«Лечение тов. Щербакова велось рассчитано преступно»*. Были арестованы заместитель директора санатория «Барвиха» Рыжиков, начальник Лечсанупра Кремля Бусалов, консультант Лечсанупра Виноградов; лечившие Щербакова Ланг и Этингер умерли под следствием. Их обвинили в том, что врачи «не использовали возможности сердечной терапии, неправильно применяли сильнодействующие средства, как

морфий, пантопин, симпатол и различные снотворные». Щербакову после инфаркта «злонамеренно разрешили» встать с постели.

Были арестованы врачи, лечившие Жданова в последние годы его жизни — профессора Егоров, Виноградов, Василенко, врачи Майоров и Карпай, патологоанатома Федорова обвинили в том, что умышленно скрыл сведения об инфаркте Жданова. *«Следствием установлено, что Егоров и Федоров — морально разложившиеся люди, Майоров — выходец из помещичьей среды, Виноградов — примыкавший в прошлом к эсерам, Василенко — скрывший с 1922 г. свое исключение из ВКП(б), и связанная с ними еврейская националистка Карпай — все они составляли вражескую группу, действовавшую в Лечсанупре Кремля, и стремились при лечении руководителей партии и правительства сократить их жизнь»,* — такой вывод содержался в докладе Игнатьева Сталину.

Все арестованные дали показания о том, что они плохо относились к Советской власти; что они уже несколько лет существуют как организованная террористическая группа; что руководитель этой группы профессор П. И. Егоров *«враждебно относясь к партии и Советской власти, действовал по указаниям врага народа А. А. Кузнецова, который в связи со своими вражескими замыслами был заинтересован в устранении товарища Жданова».* Таким образом, «дело врачей» непосредственно оказывалось связанным с «ленинградским делом».

Обвинение выдвинули и против руководителя личной охраны Сталина генерал-лейтенанта Власика, который, оказывается, видел письмо Тимашук, написанное 29 августа 1948 г., уже 30 или 31 августа и передал это письмо Абакумову. В проекте обвинительного заключения, направленному Сталину, этот факт излагался следующим образом: *«Абакумов и Власик отдали Тимашук на расправу ... иностранным шпионам-террористам Егорову, Виноградову, Василенко, Майорову».* Сталин, редактируя этот документ, не согласился: *«Жданов не просто умер, а был убит Абакумовым».* Таким образом, в эту мясорубку затянули и сотрудников МГБ, на которых также обрушились репрессии. На основании решения ЦК от 11 июля 1951 г. «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности» создали специальную следственную группу.

Начались аресты евреев-чекистов. Были арестованы начальник спецбюро МГБ генерал-майор Н. Эйтингон, руководитель подразделения, отвечавшего за разработку техники радиосвязи Е. Анциелович, начальник отдела «К» МГБ А.Свердлов, заместитель начальника 1-го Главного управления МГБ генерал-лейтенант М. Белкин, руководитель спецлаборатории, где разрабатывались яды, Г. Майрановский, тесно сотрудничавший с МГБ начальник следственного отдела прокуратуры Л. Шейнин и другие. За каждым из них стояли многие годы службы в карательных ведомствах и немалые, с точки зрения их начальников, заслуги — подготовка убийства Троцкого, участие в организации политических процессов, работа в диверсионных группах во время недавней войны.

Прекрасный повод дал А. Я. Свердлов. В его квартире обнаружили целый арсенал диверсанта. Там находилось несколько ампул сильнодействующего яда, взрывные устройства с часовыми механизмами, замаскированные под шкатулку, коробку духов, пресс-папье, пять пистолетов разных калибров, автомат, пара винтовок, патроны, гранаты... Сын Якова Михайловича Свердлова, двадцать с лишним лет служивший «по чекистской линии», оправдывался, что оружие

получено им в 1941 г. для организации диверсионной деятельности в Москве в случае ее сдачи немцам. Свердлову поручалось руководить такой группой, а оружие ему передали по распоряжению будущего начальника спецбюро МГБ Судоплатова. В 1946 г. были предприняты меры по сбору розданного оружия, но за годы войны оно растерялось, в частности, у Судоплатова обнаружили большую недостачу сильнодействующих ядов. Сам Свердлов попытался объяснить наличие у него этого арсенала забывчивостью и любовью к оружию. Но следствие выявило у Свердлова несколько уязвимых страниц биографии — его обвиняли в причастности к троцкизму в конце 20-х, и его уже дважды арестовывали — в 1935 и 1938 гг.

В сентябре 1952 г. следователи допрашивали заместителя начальника следственной части по особо важным делам Л. Л. Шварцмана. Его сломали, он дал показания против большинства руководителей государства и партии, карательных ведомств. Он, по выражению следователей, «клеветал» на Кагановича и Хрущева, на Меркулова, Кобулова, Мамулова и Фитина. Эти линии в данный момент не интересовали Игнатьева, Маленкова и Сталина. Более перспективным для них оказалось признание Шварцмана в том, что он якобы готовил террористический акт против Маленкова. Шварцман сообщил, что о его замыслах знали Абакумов, Райхман, Палкин, Иткин, Эйтингон, бывший прокурор Дорон. Указания о проведении терактов он якобы получал от военного атташе посольства США Файмонвилла и от посла Гарримана. Цена показаниям известна — их вышибали многодневными «конвейерными» допросами, когда подследственному не давали спать, жестоко пытали. Логика тоталитаризма: в роли жертв оказались вчерашние усердные палачи.

Показания Шварцмана оказались настолько своевременными, что дело Абакумова в дальнейшем стало именоваться делом Абакумова—Шварцмана: оно становилось оправданием репрессий против Еврейского антифашистского комитета и его руководителей. Под эти показания стали подгонять и другие допросы. Усиленно разрабатывалась версия о причастности Абакумова к «ленинградскому делу». Доказать это было сложно: именно следователи МГБ «выколачивали» показания из Кузнецова, Попкова, родственников заместителя председателя Совмина СССР Н. А. Вознесенского. Одним из следователей был сам Шварцман.

Генерал-лейтенант М. Белкин, служивший на протяжении долгих лет заместителем начальника 1-го Главного управления МГБ, обвиненный в принадлежности к еврейской террористической группе в составе МГБ, под пытками дал показания о том, что по воле Абакумова на ключевые посты Министерства госбезопасности расставлены лица еврейской национальности, давно сотрудничавшие с западными разведками. Он же сообщил о том, что начальник Управления госбезопасности Венгрии Петер Габор связан с западными разведками. Кампания на по исключению евреев из органов госбезопасности распространилась на весь социалистический лагерь. Началось преследование евреев во внешнеполитических службах, в госбезопасности, в правительствах ряда восточноевропейских стран.

Девятого января 1953 г. Бюро Президиума ЦК, собравшееся практически в полном составе (не было только Сталина), утвердило текст сообщения в прессе об

аресте группы врачей-вредителей. 13 января 1953 г. в «Правде», в разделе хроники, появилось сообщение ТАСС: *«некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза... Большинство участников террористической группы были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой...».* «Следствие будет закончено в ближайшее время», — многозначительно, угрожающе заканчивалось это сообщение.

Было очевидно, что следствие не задержится. Поэтому началась активная подготовка к наказанию всех лиц «еврейской национальности». Организовали покаянное письмо знаменитых евреев — писателей, артистов, ученых, которое мало кто из них отказался подписать, хотя нашлись и такие. Составляли списки, готовили лагеря. Сталин уверенно шел по стопам Гитлера. Чуть-чуть не успел.

Эту мрачную главу хочется закончить еврейским анекдотом, свидетельствующим о неизбывном чувстве юмора у этой нации.

Была Римская империя, боровшаяся с евреями. Где теперь Римская империя?

Были крестоносцы, боровшиеся с евреями. Где теперь крестоносцы?

Были черносотенцы, громившие евреев. Где теперь черносотенцы?

Был Гитлер, уничтожавший евреев. Где теперь Гитлер?

Был Сталин, преследовавший евреев. Где теперь Сталин?

Был Советский Союз, зажимавший евреев. Где теперь Советский Союз?

Кажется, мы вышли в финал!